

---

**А.Е. Пресняков**

**ОБРАЗОВАНИЕ  
ВЕЛИКОРУССКОГО  
ГОСУДАРСТВА**

---

**МОСКВА**

**Богородский Печатник**

**1998**

новичем<sup>47</sup>. Однако все эти комбинации оказались весьма непрочными. Надо полагать, что недолговременной союзной союзничьей помощью князя Нарислота<sup>48</sup> и старосте перед великокняжеской силой и ее ордынской опорой<sup>49</sup> заставили новгородцев снова искать и добиться примирения с Иваном Даниловичем. В феврале 1335 г. великий князь прискал в Новгород<sup>50</sup>. Возвращение Новгорода под его власть означало разрыв с Полоцком и с Литвой. Иван Данилович решил было предпринять поход на Полоцк «с новгородцами и со всей новгородскою землей», однако новгородцам удалось отклонить его от этого похода, хотя они признали, что моря с полоцкянами у них нет<sup>51</sup>. При возвращении в к. Ивана из Новгорода через Торжок, Новгородская земля подверглась набегу Литвы, но ему удалось отплатить за нападение – разорением литовских городов<sup>52</sup>.

Очевидно, положение, сложившееся в 1335 г. на западной окраине Великороссии, было лишь новгородизмом, но разрывание которого в более определенном смысле не хватило сил ни у в.к. Ивана, ни у новгородцев. Великого князя связывали литовские и ордынские отношения, новгородцев – комбинация между двумя великими княжествами, осложняющая внутреннюю партийную роль Великого Новгорода<sup>53</sup>. Не знаем договоров в.к. Ивана с Новгородом, но литовские указания утверждают, что новгородцам настояли на «праве» выработанного типа, и великий князь «принимал кресты в Новгороде по старейшей воле новгородской и по Ярославлевым договорам»<sup>54</sup>. Но за ближайшей погоней в.к. Ивана в Орду (1336 г.)<sup>55</sup> последовало новое погужение его на новгородские должностные должности – отправление посольств дати на Дону, за Волгу<sup>56</sup>.

Иван Данилович *«не помнил крестного целования»* и упорно добивался расширения своих великокняжеских прав в Великом Новгороде<sup>57</sup>, побуждаемый к тому, в значительной степени, необходимостью удовлетворять тяжкие требования ордынской власти; показательно, что его столкновения с Новгородом возникают каждый раз после возвращения его из Орды. То же видно и позднее, в 1339 г., когда ордынская требовательность получила новую линию в княжеских споры и антиполитика, в.к. Иван, получив с Новгорода обычный «выход», потребовал «другого выклада», т.е. «запроса царя, что у него царь запрашивал», и на отказ новгородцев, которые сослались на «старую пошлину» и договорные крестовидования, ответил – отъездом наместников из Новгорода и разрывом моря.

Новгородские отношения Ивана Калиты – наглядный пример того «многого наклонения», которое так раздражало противников его великокняжеской деятельности. Великий Новгород – по-прежнему необходимая опора и главная забота великокняжеской власти. Владение столицей Новгородского княжества определяло от великого княжества – по стародавней традиции о том,

Новгородские отношения Ивана Калиты – наглядный пример того «многого наклонения», которое так раздражало противников его великокняжеской деятельности. Великий Новгород – по-прежнему необходимая опора и главная забота великокняжеской власти. Владение столицей Новгородского княжества определяло от великого княжества – по стародавней традиции о том,

ища он при вынужденности и под давлением в. к. Ивана Ростова при нем был в полной зависимости от великокняжеской власти.

Ученик и биограф св. Сергия Радонежского, Епифаний, рисует положение Ростова такими чертами: *«Егда бысть великая рать татарская, глаголемая Федорчукова Турадыкова егда же по сем за год един, и наста насилуваньє много, сиречь княжение великое Московское досталося князю великому Ивану Даниловичу, купно же досталося и княжение Ростовское к Москве, увы, тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава и вся прочая и потягну к Москве. Егда изыде повеление великого князя Ивана Даниловича, и послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, едва от вельмож, именем Василей, прозвищем Кочева, и с ним Мина, и егда внидоша во град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися»*. Епифаний говорит далее о том, как ростовцам пришлось отдавать москвичам «имешя своя с нужею» и терпеть «проживу того» – побои и укоризны<sup>41</sup>. Под книжной риторикой Епифания – нечто большее, чем простое обличение воеводских злоупотреблений. Речь идет об умалении княжеской власти ростовских отчичей, о хозяйничаньи в Ростове московских бояр, словно они – правители ростовские, о суровых мерах для взыскания с ростовцев каких-то платежей. Аналогия новгородских отношений в. к. Ивана вызывает предположение, что дело идет о тех же «запросах царевых», о крутых мерах для сбора «серебра» на ордынские платежи<sup>42</sup>.

Росток Епифания описал острою обиду ростовцев, которая была, по-видимому, вызвана попыткой сопротивления. Епифаний сообщает о мучении московскими боярами старейшего боярина ростовского Амурья и об ужасе, какой сам этот князь начал на все население ростовской области<sup>43</sup>.

Предположение московских князей, ростовские князья выступают в тот период своей истории, когда падает их власть и влияние, и складет она на положение мелких подрученных великого князя, служебных, как станут говорить позднее, князей вассальных. Падение последнего черт сколько-нибудь самостоятельного, княжеского, политического значения – неизбежная предпосылка для распада старого ростовского княжества на мелкие князья вассалы и выходящие владетельные князья – в князья-дворяне-владельцы. Постепенно нарастает это вырождение в XIV и XV столетиях, но поворотный пункт в истории ростовских князей апограф Епифаний правильно отметил в дни в. к. Ивана Даниловича. Та же судьба постигала князей белозерских, стародубских, крымских, галицких и дмитровских<sup>44</sup>, сводит она и князей ярославских<sup>45</sup>. Центр Белозерского сопочивается под великокняжеской властью, уклоняется эта власть в руки московского князя. Происходит упадок крепо-

были свои связи в Золотой Орде. Есть указание и на то, что «розмирье» кн. Александра с Иваном Калитой нашло отклик у младших князей, недовольных московским засильем; ярославский князь Василий Давидович в белозерский Романчук на стороне Александра<sup>60</sup>. Естественно предположить, что и ростовские и суздальские князья должны были вызывать в Москве недоверие и беспокойство. Сквозь сбитые и отрывочные известия летописных сводов чувствуется подъем накопившегося недовольства московским «насилованьем».

Поскольку княжеского столкновения не вышло от хана и разыгралось в Орде. Но в к. Иван, когда свое дело в Орде, считает необходимым возможно меньше упускать из виду дела на Руси, уезжая в Орду вслед за тверским князем Федором, он посылает в Новгород сына Андрея, а в последний момент, когда решалось при ханском дворе дело кн. Александра, посылает в Орду сыновей, а сам остается на Руси<sup>61</sup>.

В к. Ивану удалось отвести грозу и сдержать победу. Летописные своды дают больше намеков, чем прямых указаний на то, что происходило в Орде, но смысл этих намеков едва ли вызывает сомнения. Отношения кн. Александра с Ордой — попытка к хану сына Федора с посылком Андреем — вызвали погрому в Орду Ивана Калиты. Во время пребывания их при дворе хана «царю Айбур много кланявшихся татар на князя Александры Михайловича тверского и уны царюны напичканные мясной горюстью» остроумно выражением московского свода резко прерывает шаг московской политике. «По думи» в к. Ивана хан вызвал кн. Александра, но знал его «с тивостью и вродистыи», как бы не на суд и расправу, а сути ему «великое княжение и честь велика»<sup>62</sup>. О сдерживании обвинений, возмущенных на тверского князя, князь истолковал нечто определенное не сообщает, и мы не знаем, какой материал дали для этих обвинений — вопрос о «выходе» или литовские связи Александра Михайловича. Эти последние должны были сыграть свою роль во всем ордынском деле. В литовском предании подчеркнуто, с какими упреками знакомили в Орду князя Александра, словно ордынские власти боялись выпустить его из рук. Кн. Александр мог найти убежище в Литве, мог откликнуться на попытку сопротивления в Твери, подобие тому, какие удалось при кн. Дмитрии Михайловиче, а в данном случае еще с расчетом на литовскую помощь, но в конечном итоге событий относится скорее литовское указание, что «татары великая Литву»<sup>63</sup>, а немалым поводом татарская рать возмущения Тимурбег видела с русскими полками под Смоленск. Глав «русского упрека» не трудно было представить кн. Александра опасным для татарской власти над Русью. Но дары ордынские вельможам, их покровительство некоторым властям в Орде все<sup>64</sup> не спасли тверского князя. Он убит вместе с сыном Федором, по ханскому приказу, 28 октября 1358 г.<sup>65</sup>